

Неумолимой чередой
Проходят годы. Много лет
Прончалось пестрою толпою—
По смерти безвластна пасть тобою,
Ты съ нами, ты живешь, поэт!
Надъ миромъ властью безконечной
Два вѣчныхъ генія царятъ.
Одинъ изъ нихъ тоской объять,
Въ немъ горечь слезъ, въ немъ скор-

би ядъ.
Другой — сверкаетъ смѣхомъ вѣчно.
Ты имъ служишь. Ты имъ принеся,
Какъ жертву—огненное слово,
И скорби свою, и смѣхъ суровый,
И боль невыплаканныхъ слезъ.
Внимая слову твоему,
Сердца людей горѣли жаромъ—
Ты былъ, какъ лучъ, разсѣявший тьму
Могучимъ, блещущимъ ударомъ.
И смѣхъ твой ярко озарилъ
Всей нашей жизни мракъ унылый,
И смѣхъ твой грозной карой былъ,
А горечь слезъ твоихъ будила
Живую мысль—и возродила
Живую мощь дремавшихъ силъ.
Во дни унынья и тревоги,
Во дни тоскливой суевы,
Когда не видно даль дороги
Средь непроглядной темноты,
Когда въ безрадостномъ пути,
Въ тоскѣ, въ томлѣнннхъ безплодномъ
Не знаемъ мы, куда идти,
И ждемъ, съ отчаяньемъ холоднымъ,
Когда надежды въ сердцахъ нѣтъ,
И непрогляднъ мракъ суровый—
Твое во мнѣ намъ свѣтитъ слово...
О, да, ты не умрешь, поэт!

М. С.

О психологическомъ механиз- мѣ художественнаго творче- ства Гоголя.

Das Erste und Letzte,
was vom Geiste gefordert
wird, ist Wahrheitsliebe.
Goethe.
(Maximen und Reflexionen).

Теперь можно считать доказаннымъ, что Н. В. Гоголь въ течение, по крайней мѣрѣ, всей второй половины жизни страдалъ душевнымъ разстройствомъ. Судя по мемуарамъ лицъ, знавшихъ близко нашего великаго и многострадальнаго писателя и его семью, по даннымъ, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сообщеннымъ д-ромъ Тарасенковымъ, однимъ изъ врачей, лечившихъ Николая Васильевича во время его предсмертной болѣзни, и по послѣднему изслѣдованію д-ра Баженова, Гоголь происходилъ изъ семьи, отягченной болѣзненной наследственностью, самъ съ дѣтства былъ человѣкомъ психопатической конституціи, страдалъ въ теченіе продолжительнаго времени періодическимъ депрессивнымъ психозомъ

и свончался въ одномъ изъ приступовъ своей періодической меланхоліи.

Существованіе какой-то странной связи, непонятнаго и загадочнаго родства между гениальностью и безуміемъ давно стало банальнымъ общимъ мѣстомъ, въ особенности съ легкой руки Ломброзо, хотя эта близость и родство подмѣчены и указаны впервые еще Аристотелемъ.

Но повторить въ тысячный разъ вмѣстѣ съ Morel (de Tours), авторомъ этой знаменитой формулы, что «геній есть неврозъ» и констатировать съ помощью клиническихъ методовъ, что Гоголь страдалъ душевнымъ разстройствомъ—значить, въ сущности, не сказать ничего и остановиться въ безсиліи и недоумѣніи передъ запертой дверью, ведущей въ ту таинственную лабораторію человѣческаго духа, въ которой создаются сокровища, или же живо человечество и которая называется творческимъ вдохновеніемъ...

Изъ всѣхъ проблемъ психологич. и психофизиологич. вопросъ о механизмѣ гениальнаго (художественнаго и научнаго) творчества есть самый мудреный, еще далеко не разрѣшенный вопросъ.

Настоящая, по необходимости короткая, газетная статья, конечно, не имѣетъ претензіи снять или хотя бы только приподнять покровы съ этой высшей тайны психической жизни и дѣятельности.

При настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній такая попытка — вообще дерзновеніе. Если это когда-нибудь и удастся, то только путемъ многочисленныхъ подробныхъ изслѣдованій біографій и условій творчества высшихъ свѣточей человечества и изученіемъ отраженія ихъ душевной жизни въ ихъ произведеніяхъ.

Но въ этотъ день, когда вся грамотная Россія чувствуетъ печальную годовщину кончины одного изъ величайшихъ своихъ писателей,—мы хотѣли бы только попытаться, на основаніи существующаго біографическаго и эпистолярнаго матеріала, уловить нѣкоторые особенности психологическаго механизма въ художественномъ творчествѣ Гоголя.

Извѣстный французскій психологъ Рибо въ своемъ изслѣдованіи творческаго воображенія отмѣчаетъ слѣдующіе три основные признака гения: 1) раннее проявленіе творческой способности, т. е. какъ бы врожденность ея; 2) необходимость, фатальность творчества. Какъ говоритъ о пѣвцѣ слѣпой въ балладѣ гр. А. Тодестаго, «онъ рабъ ему чуждаго духа, воцлгасъ ему въ грудь вдохновенья печать, неволей плъ волей онъ долженъ вѣшать, что слышитъ подвластное ухо», 3) рѣзко очерченная индивидуальность гения. Онъ человѣкъ именно этого дѣла, онъ, такъ сказать, родоначальникъ, онъ «представитель». Всѣ эти кардинальныя черты, характеризующія творческую гениальность, мы находимъ у Гоголя.

Первые опыты поэтическаго творчества относятся еще къ раннему школьному періоду жизни Гоголя: баллада «Два рыбки», трагедія «Разбойники»,

написанная пятистопнымъ ямбомъ, повѣсть «Братья Твердиславичи» въ школьномъ журналѣ «Звѣзды».

Все это, конечно, только дѣтскія подражанія, но эти попытки указываютъ на наличность въ еще дѣтской душѣ писателя литературно-художественнаго призванія; оно растетъ и крѣпнеть, и въ 1831 г., когда Гоголю было всего 21 годъ, уже готова серия повѣстей, составившихъ 1 томъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Вскорѣ послѣ этого сознаніе его творческой миссіи такъ сильно въ немъ, что онъ, человѣкъ безъ положенія и безъ средствъ, принужденный разсчитывать каждый грошъ, пишетъ матери: «Мнѣ предлагаютъ мѣсто на 1,000 рублей жалованья въ годъ. Но за цѣну, и едва могущую выкупить годовую наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоценное время, и на совершенные пустяки—на что это похоже?»

Кульминаціонный пунктъ художественнаго творчества у Гоголя приходится на 1835 и 1836 гг., время созданія «Ревизора» и перваго тома «Мертвыхъ душъ», параллельно этому сознаніе непреодолимаго, какъ бы внѣшней силой навязаннаго импульса творить особенно ярко, и Гоголь пишетъ Жуковскому (Парижъ, 12 ноября 1836 г.): «Кто-то незримый пишетъ передо мной кельюю своимъ».

Что же касается до третьяго психологическаго признака гения, то для обозначенія того, въ какой степени художественная индивидуальность Гоголя была опредѣляющей въ исторіи русской словесности, достаточно и теперь повторить формулу, данную уже вскорѣ послѣ кончины великаго писателя Чернышевскимъ («Современникъ», 1855—56 годъ).

«Гоголевское направленіе до сихъ поръ остается въ нашей литературѣ единственнымъ, сильнымъ и плодотворнымъ... въ нашей литературѣ до сихъ поръ продолжается гоголевскій періодъ... давно уже не было въ мирѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи... Гоголь былъ отцомъ русской прозы... онъ не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Ему одному проза обязана и своимъ существованіемъ, и всѣми успѣхами». Если съ этой оцѣнкою значенія Гоголя сопоставить то обстоятельство, что творческій періодъ его художественной дѣятельности обнималъ никакъ не больше одного десятилѣтія, то мы опредѣлимъ, такимъ образомъ, нѣкоторую личную особенность гоголевскаго гения—именно, чрезвычайную исключительную напряженность и продуктивность творчества, но увя!—въ очень ограниченныхъ предѣлахъ времени. Свѣточъ его вдохновенія вспыхнулъ блестящимъ пламенемъ, ярко озарилъ его современникамъ русскую жизнь той эпохи, освѣтилъ его преемникамъ въ русской литературѣ ихъ путь на многие и долгіе годы впередъ... и быстро потухъ!

Въ письмѣ «къ сыновьямъ», писаннымъ тотчасъ послѣ кончины Гоголя, С. Т. Аксаковъ говоритъ: «У Гоголя было два состоянія: творчество и отдохновеніе. Первое давно уже, вѣроятно, вскорѣ послѣ выхода «Мертвыхъ душъ», перешло въ мученичество, можетъ быть сначала благотворное, но потомъ перешедшее въ безполезную пытку». Вторую часть «Мертвыхъ душъ» Анненковъ называетъ «подвижнической кельей, въ которой Гоголь блея и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея».

Эта своеобразная особенность его дарованія, заставившая нашего несчастнаго поэта перестрадать столько исполненныхъ глубокаго трагизма часовъ (вспомните хотя бы его душевный вопль въ «Авторской исповѣди»: «Нѣсколько разъ упрямый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно вставить себя написать хоть что-нибудь въ родѣ небольшой повѣсти или какаго-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилия мои окончивались всегда болѣзнями, страданіемъ и, наконецъ, такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе... Виновать я развѣ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторить и говорить то же, что говорилъ или писалъ въ юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человечества!») — это несчастное свойство его таланта можетъ быть объяснено только психиатрическимъ анализомъ его личности и душевной жизни.

Какъ уже сказано, Гоголь страдалъ періодическою меланхоліей. Первый приступъ ея онъ, по всей вѣроятности, перенесъ въ 1833 году, который біографы Гоголя называютъ «мертвымъ годомъ» въ его жизни. Затѣмъ приступы этого психоза повторяются съ роковой правильностью, а въ теченіе послѣдняго приблизительно пятилѣтія, какъ это и характерно для описываемой душевной болѣзни, уже невозможно различить чистыхъ, свѣтлыхъ промежутковъ между приступами, и установилось длительное болѣзненное состояніе, съ чередующимися улучшеніями и ухудшеніями.

Періодическій депрессивный психозъ, о которомъ идетъ рѣчь, характеризуется слѣдующимъ теченіемъ: въ душевной жизни больного съ роковой правильностью появляются состоянія угнетенія, настроеніе духа подавлено и тоскливо (иногда до степени отчаянія и смертнаго ужаса, какъ и было нѣсколько разъ съ Гоголемъ, таковъ приступъ, перенесенный имъ въ Вѣнѣ и о которомъ онъ въ своей позднѣйшей перепискѣ вспоминаетъ, какъ «о великомъ нервическомъ разстройствѣ»,—таковъ и предсмертный приступъ болѣзни), и всѣ психическіе акты затормаживаются. Самъ Гоголь (въ письмѣ къ Дондукову-Корсакову) называетъ это состояніе своей «обыкновенной, періодической болѣзью, во время которой онъ остается почти

въ неподвижномъ состояніи, въ своей комнатѣ»...

Для описываемаго душевнаго страданія весьма обычно, что этимъ репрессивнымъ приступамъ предшествуютъ или за нимъ слѣдуютъ состоянія повышеннаго самочувствія, въ которыхъ психическая работа ускорена и облегчена и наклонность къ дѣятельности увеличена. При такой постоянной смѣнѣ двухъ состояній экзальтаціоннаго и депрессивнаго душевную жизнь можно сравнить съ лампадой, которая то ярко вспыхиваетъ, то угасаетъ.

Такихъ вспышекъ инстинктивно искали и ищутъ въ моменты напряженнаго творчества весьма многіе писатели, ученые, изобрѣтатели и т. д. Странности и эксцентричности многихъ великихъ людей сводятся, въ сущности, къ безсознательнымъ попыткамъ усилить притокъ крови къ мозгу и, такимъ образомъ, возбудить и облегчить его дѣятельность: злоупотребленія различными «ядами интеллекта»—алкоголемъ, морфіемъ, даже гашишомъ, и—болѣе невинно—пофе и чаемъ, холодная пожатая ванна Шиллера, приемъ Руссо работаютъ съ непокрытой головой подъ палящимъ солнцемъ и т. д., и т. д. Гоголю такіе моменты облегченной, ускоренной и усиленной психической дѣятельности доставлялись его болѣзненно-измѣненнымъ психическимъ ритмомъ.

Пока подъ ударами повторныхъ приступовъ меланхоліи не погибъ его гениальный—наиболѣе яркій творческій минуты совпадали съ этими періодами душевнаго строя повышеннаго передъ депрессивнымъ состояніемъ или тотчасъ послѣ него. Позднѣе, приблизительно около 1840 года, художественное дарованіе Гоголя уже истощено и моменты душевнаго подъема не даютъ тѣхъ перловъ творчества, которые давались раньше; вмѣсто нихъ, рѣчь его начинается звучать тѣмъ, что С. Т. Аксаковъ называлъ «противнымъ тономъ наставника». Именно этимъ должно быть объяснено и появленіе «выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями».

Если бы современники Гоголя могли стать на эту точку зрѣнія, то реакціонной общественно-литературной группѣ нечего было бы такъ радостно привѣтствовать появленіе этой книги и видѣть въ ней отреченіе писателя отъ той поры его дѣятельности, которая имѣла значеніе политической и социальной сатиры, а поклонникамъ по существу протестующаго дарованія автора «Ревизора» и 1-го тома «Мертвыхъ душъ» не было основанія такъ негодовать по этому поводу. Правда, Вѣлнскій въ двухъ своихъ письмахъ къ Гоголю склоняется къ предположенію, что появленіе «Переписки съ друзьями» можетъ быть объяснено только психозомъ; однако, и до сихъ поръ книга эта оставалась загадочнымъ и исключительнымъ явленіемъ въ исторіи русской литературы... а между тѣмъ для самого Гоголя было совершенно ясно, что она продуктъ патологическаго

творчества. Вскорѣ по выходѣ ея въ свѣтъ онъ объяснялъ и оправдывалъ появленіе ея своимъ болѣзненнымъ состояніемъ.

«Нападенія на книгу мою,—пишетъ онъ художнику Иванову,—отчасти справедливы. Я ее выпустилъ весьма скоро послѣ моего болѣзненнаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не приняла еще въ надлежащій порядокъ». И тогда же своему духовному отцу, знаменитому въ свое время ржевскому священнику и аскету—отцу Матвѣю, тому самому, который совѣтовалъ Гоголю «бросить имя литератора и пойти въ монастырь» и который во время предсмертной болѣзни его такъ напугалъ умирающаго поэта изображеніями страшнаго суда и загробной кары, онъ пишетъ еще опредѣленнѣе: «книга моя есть произведеніе моего переходнаго душевнаго состоянія, временнаго, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянія... Книга эта не мой родъ».

Художественное творчество есть въ конечномъ результатѣ психологическаго анализа видъ активной дѣятельности воображенія, отъ пассивной фантазіи онъ отличается тѣмъ, что изъ тѣхъ конкретныхъ элементовъ, на которые разложилось въ душѣ художника сложное представленіе, воля его выбираетъ извѣстныя группы ихъ и собираетъ въ одно сложное цѣлое. Это цѣлое—общая концепція художественнаго произведенія; выработывается въ подсознательной области душевной жизни и въ счастливый моментъ вдохновенія переступаетъ пороги сознанія и хотя бы лишь въ общій, но всегда образной формѣ (и эта основная характеристика художественнаго произведенія) возникаетъ въ немъ властно и часто неожиданно.

Извѣстный психофизиологъ Вундтъ не безъ основанія полагаетъ даже, что «если художественное произведеніе вначалѣ замышляется въ логической формѣ, оно становится въ разрѣзъ съ законами творческой дѣятельности».

Интересно и поучительно сравнить тѣ моменты, когда истинное вдохновеніе, психологическій анализъ котораго только что представлено, послѣдвало Гоголя и художественные образы тѣснились передъ его духовными очами (см., напр., письмо изъ Парижа отъ 12 ноября 1836 г.: «Онова веселья. «Мертвые» текутъ живо, свѣтлы и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажутся, какъ будто я въ Россіи: предомной все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы,—словомъ, вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ душъ» въ Парижѣ») — съ мучительными потугами во II-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ» «выставить на видъ всѣ доблестныя народныя наши качества и свойства», ибо «увидать, что нужно со смѣхомъ быть очень осторожнымъ», ибо «какъ выставлять недостатки и недостойнство

человѣческое, если не задать самому себѣ запроса, въ чемъ достоинство чело-
вѣка? И не далъ на это себѣ сколько-
нибудь удовлетворительнаго отвѣта? Какъ
осмыслить исключенія, если еще не у-
знать хорошо тѣ правила, изъ кото-
рыхъ выставляешь на видъ исключенія?»
(Авторская поспѣдь и письмо къ Жу-
ковскому отъ 10 января 1848 г.).

Къ этому послѣднему періоду литера-
турной дѣятельности Гоголя и относят-
ся всѣ горькія жалобы на изсяканіе
таланта, на творческое безсиліе, кото-
рыми неспешно его переписка послѣд-
няго десятилѣтія его жизни.

Сдѣлавшееся уже банальнымъ выра-
женіе о писателѣ, что онъ пишетъ со-
комъ своихъ нервовъ и кровью своего
сердца, въ полной мѣрѣ приложимо къ
тому великому писателю земли русской,
по которому правится сегодня триста.
На свою писательскую работу онъ смот-
рѣлъ, какъ на высокое, общественное
служеніе.

Онъ съ удивительною добросовѣ-
стностью ищетъ художественной прав-
ды, высмѣиваетъ въ своихъ герояхъ
даже собственные недостатки и слабос-
ти (рассказъ Арнольди о пристрастіи
Гоголя къ хорошей обуви и въ «Мерт-
выхъ душахъ» пріѣзжіи изъ Рязани по-
ручникъ, любующійся на свои сапоги;
Пѣтухъ и туранство самого Гоголя и
т. д.) и не прощаетъ себѣ пропуска
въ художественной картинѣ (рассказъ
Анненкова въ Альбано о самоварахъ,
наполняющихъ около шести часовъ ве-
чера утаромъ всѣ переднія всѣхъ про-
винціальныя домовъ, и огорченіе Гого-
ля тѣмъ, что онъ пропустилъ этого
штрихъ и пр.).

Постоянно болевой физически, часто
съ совершенно разстроенными нервами,
въ долгой борьбѣ съ нуждой, онъ съ
ничтожнымъ запасомъ знаній выступилъ,
какъ художественный дѣятель, въ такой
историческій моментъ, когда въ удручаю-
щей атмосферѣ тогдашней безправной,
безгласной и крѣпостной Россіи задыха-
лось все живое и сильное. Тотъ, кто
всегда имѣлъ коммоссальное и опредѣляю-
щее вліяніе на Гоголя, кто могъ
быть бытъ однимъ въ силахъ поддер-
жать падающій духъ Гоголя въ минуты
унынія и удержать его отъ отчаянія
въ сторону — Пушкинъ, погибъ въ мо-
ментъ расцвѣта таланта и дѣятельности
Гоголя. Взамѣнъ Пушкина вокругъ Го-
голя создается рядъ отрицательныхъ
вліяній. Соотвѣтственно постоянно по-
вторяющимся приступамъ душевной бо-
лѣзни, онъ присутствуетъ при угасаніи
своего гения, мучительно сознаетъ это,
борется съ этимъ, насилуетъ себя—и,
наконецъ, умираетъ въ приступѣ без-
просвѣтной тоски и отчаянія.

И правъ С. Т. Аксаковъ, назвавшій
Гоголя въ письмѣ, посвященной его ма-
мѣ, мученикомъ.

Н. Б.